

нить роль ни одного французского писателя. Пожалуй, одна лишь Жорж Санд пользовалась тогда в России столь же громкой известностью (но не влиянием).

Показательно, что в целом и русские критики, и писатели-реалисты XIX в. проявляли больше симпатии и тяготения к английской реалистической литературе, чем к французской, которая (по крайней мере в пределах первой половины века) не находила понимания именно как реалистическая литература. Характерно в этом плане отношение к Бальзаку, находящееся в резком контрасте с отношением к Диккенсу. Пушкин успел ознакомиться лишь с произведениями Бальзака, написанными в конце 20-х и первой половине 30-х годов; он воспринял его в одном ряду с «неистовыми романтиками», и «две оценки, встречаемые у него, скорее отрицательны» [19, с. 166]. Не сумел понять и оценить Бальзака надлежащим образом Белинский, который сближал его с Поль де Коком и вместе с ним причислял к «беспутной французской школе». Впоследствии Достоевский, который едва ли не первым в русской литературе осознал масштабы и значение Бальзака, скажет, что это был писатель, «к которому был так несправедлив Белинский, совершенно проглядевший его значение во французской литературе» [20, с. 34]. Вместе с тем можно констатировать, что «другие русские реалисты вслед за Белинским критически относились к Бальзаку, упрекая его в искажении и принижении человеческой природы» [21, с. 198].

Как справедливо отметил Г. М. Фридендер, пик интереса к Франции и французской литературе падает в России на 40-е годы. О том, что они тогда значили для передовых людей России, и в частности для молодого поколения писателей, внесшего столь огромный вклад в русскую и мировую культуру, взволнованно рассказал позже Салтыков-Щедрин, отмечавший: то, что шло оттуда, «согревало нашу жизнь и в известной мере даже определяло ее содержание... Оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что „золотой век“ находится не позади, а впереди нас...» [22, с. 112]. Однако следует обратить внимание, что французская реалистическая литература вовсе не являлась активной составной частью этого воздействия на русскую общественность, в том числе и на литературную. Оно шло по преимуществу от идеологов демократии, от социалистов-утопистов и поздних романтиков, с ними тесно связанных. Его оказывали Сен-Симон и Кабе, Леру и Жорж Санд, Луи Блан и Гюго, но не Стендаль и Бальзак.

В целом отношение русских писателей и критиков к французской реалистической литературе было неоднозначным. Привлекал острый социальный анализ и критицизм французского реализма, своеобразный, без патетики, пафос антибуржуазности. Отстранял охарактеризованный выше «научный подход» к человеку, понимаемому как преимущественно психофизиологическое единство, с возрастающей тенденцией убывания его духовно-нравственных ингредиентов. Именно в этом и заключается главная причина сдержанного или отрицательно-критического отношения, проявляемого русскими писателями-реалистами к творчеству Флобера, Гонкуров, Золя и других французских художников второй половины прошлого века. Несомненно, Толстому, Достоевскому, Салтыкову-Щедрину и другим русским писателям остро не хватало у их современников, французских реалистов, того, что в изобилии содержалось в творчестве романтиков, Жорж Санд и Гюго, — атмосферы человеческого понимания и участия, акцентирования духовно-моральной сущности человека, поиска «идеальной правды» и т. п.

Здесь со всей отчетливостью проявляется действие такого фактора, как различные соотношения с романтизмом во французском и русском реализме. В отличие от русской литературы, где реализм синтезирует романтизм и органически включает его элементы в свою художественную систему, во французской литературе после Бальзака они все больше расходятся